

Картина мира, нарисованная языком

Слово «кризис» не употреблять; использовать что-нибудь нейтральное, например «снижение» или «спад», — такое указание пришло на телеканалы, когда в экономике начались проблемы. «Заговорить» кризис не удалось. Но ход мыслей у чиновника, спустившего такой циркуляр, был в общем-то правильный. «Как вы яхту назовете, так она и поплывет».

«РР» предлагает прислушаться к родному языку, чтобы осознать, какие проблемы и возможности рождает языковая картина мира.

Как перевести на любой другой язык такие очевидные для нас понятия, как «задушевный», «тоска», «неприкаянный», «воля» или, скажем, элементарное «неудобно»? Ученые называют эти словечки «базовыми концептами». Точных их аналогов в других языках не существует. Любой язык — своего рода мировоззренческий заповедник со своей системой координат, которую осторожные лингвисты называют языковой картиной мира. Может, именно в языке и кроется разгадка загадочной русской души?

Вообще-то английская душа тоже полна тайн. В английском, например, есть непере译имое на русский «fair» — то ли честный, то ли должный, то ли нормальный. И вполне резонно предположить, что мир с «тоской» и «волей» и мир с «fair» не будут одинаковыми.

Корысть, выгода

Сложности с построением современных рыночных механизмов в России отчасти имеют словарное происхождение. «Русский язык, — полагает профессор, доктор филологических наук Алексей Шмелев, — относится к числу относительно немногочисленных языков в европейском ареале, который скептически относится к получению выгоды».

По-украински и по-польски «выгода» — это «корысть» («користь», «кожещ»). Причем без каких-либо негативных смысловых оттенков: украинское «на користь» переводится как «в пользу». Для нас же «корысть» — явление постыдное и даже преступное. И «корыстный» по-русски вовсе не «полезный» или «выгодный», как у братьев-славян, а «меркантильный», «торгашеский» и даже «шкурный». Вы, конечно, можете преследовать собственную выгоду, но... лучше назовите это как-нибудь по-другому. «Корыстный» человек вызывает невольное недоверие, как «хохол» в анекдотах, который, возможно, как раз и стал жертвой различного толкования понятия «корысть» в близких языках. Но это вовсе не значит, что и к предпринимателю в России непременно должны относиться с недоверием. Ведь «предприимчивый» человек — не просто какой-то корыстолюбец, а вполне положительный персонаж — «энергичный, находчивый, обладающий практической сметкой и изобретательностью».

Вопрос, насколько языковая картина мира влияет на наше сознание и социальную жизнь, остается открытым. Но это влияние, безусловно, существует. И если не осознавать базовые концепты русского языка и трудности перевода, новые для нас явления могут так и остаться непонятыми, новые проекты — малоуспешными, а иностранные заимствования будут вызывать отторжение.

«Языковая картина мира существует постольку, поскольку не осознается и воспринимается как нечто само собой разумеющееся, — утверждает Алексей Шмелев. — Как только люди ее осознали, они могут подвергать ее сомнению. Ведь это не жизнь так устроена, а это просто язык нам говорит. А раз мы это осознали и подвергли сомнению, то мы стали более свободны».

Долг, обязанность

Вы можете представить на стене военкомата такой лозунг: «Ты исполнил свои патриотические обязанности?» Конечно нет. Ведь если «патриотический», то «долг», а «обязанности» у нас обычно «должностные» — скажем, старшего помощника младшего менеджера.

Не будем снижать пафос и переводить разговор в меркантильную сферу (тем более что банки и операторы

связи предпочитают слово «задолженность»). Концептуально русский «долг» — это некий внутренний голос, который все время куда-то «зовет» и что-то «велит».

Владимир Даль трактует «долг» как своего рода нравственную экономику: «Общий долг человека вмещает долг его к богу, долг гражданина и долг семьянина, исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют долг его, как взятые у кого займы деньги или вещи».

Русский «долг» существует в единственном числе. Если многочисленные «обязанности менеджера» перечислены в его трудовом договоре, то «гражданских долгов» много не бывает. А вот «обязанности» — груз куда более мобильный: их «возлагают», «снимают», «перераспределяют».

«У человека может быть много разных обязанностей, а может не быть никаких, — говорит Шмелев. — А вот сказать: “У него нет никакого долга” — нельзя. Долг есть всегда».

Между тем англоязычная картина мира особых различий между «долгом» и «обязанностями» не предполагает. Сакраментальное английское «duty» легко монтируется и с выражениями типа «Кто сегодня дежурит?», и с «чувством долга», и с «таможенным сбором», и даже с «церковной службой». Английский «долг» — это то, что всем известно и что все должны выполнять. Заметьте, не отдавать! А когда русский человек исполняет свой гражданский или патриотический долг, язык предполагает некую потерю, затрату сил.

В японском языке «долг» и «обязанность» тоже сильно различаются. Как объяснил нам Киеси Огури, консультант по преподаванию японского языка в МГУ, выражение «долг и человеческое чувство» на его родине является чем-то вроде национального символа, описывающего природу японской души.

Однако для бытового употребления этот «долг» слишком высок. По словам Киеси Огури, «если современному молодому человеку напомнить о его “долге”, он не то чтобы не поймет, но очень удивится». Современный японский язык вроде бы признает только «обязанности». Однако бизнес в Японии всю использует в своей корпоративной культуре старое чувство «долга», преданности и уважения к старшим. Иначе говоря, то, что в сегодняшней языковой картине мира кажется препятствием или проблемой, вполне может быть использовано с пользой и выгодой.

Правда, истина

Известный анекдот брежневских лет: «Человек в газетном киоске спрашивает “Правду”. Ему отвечают:

— “Правды” нет, остался только “Труд” за три копейки».

Даже сегодня в общероссийском реестре прессы есть почти пятьсот изданий, в названии которых есть слово «правда», и лишь десяток — со словом «истина».

Русский язык предполагает, что «правду» должны знать все, и если ее кто-то «скрывает», она рано или поздно все равно «откроется». А вот «истина» как название для всенародной газеты звучало бы идеологически некорректно.

Истина нуждается в том, чтобы ее «познавали» или «устанавливали». Занимаются этим специально обученные люди — священники, судьи, ученые. Но «абсолютную истину» может знать только бог. А наш удел — лишь частные истины, которые при частом употреблении могут стать «избитыми».

С «правдой» в русском языке такого не происходит. Ее «узнают» или «скрывают», «говорят» и даже «режут в глаза», а она в свою очередь эти самые глаза «колет». Как и с «обязанностями», с «правдой» можно производить количественные манипуляции — например, превратить ее в «полуправду» или разделить на всех, получив в результате народную мудрость, что, мол, «у каждого своя правда». «Истина» к таким фокусам равнодушна.

«Вот судьи в суде могут хотеть “установить истину”, — рассуждает Шмелев. — Но от свидетелей требуют “говорить правду”, а дальше суд “судит по правде” и, “установив истину”, снова начинает искать правду, но уже в высшем смысле. В суде эта высшая “правда” ассоциируется с законом».

В древнерусском языке слова «закон» вообще не было — это византийское заимствование. Помните «Русскую правду» Ярослава Мудрого? В те былинные времена и «правда», и «истина», и «закон» были практически полными синонимами. Ведь «правда» — это то, что правильно. А главный установитель правил всеобщего существования, разумеется, не человек, а бог. Он же носитель истины и в конечном счете автор закона. Но стоило в механизм мироустройства вмешаться человеку, и триада распалась.

А в англоязычном мире единство истины и правды удалось сохранить в одном слове — «truth». В отличие от русской «правды», английских «правд» много не бывает. Если в выражении «сказать неправду» используется неопределенный артикль («tell a lie»), то в выражении «сказать правду» артикль может быть только определенный («tell the truth»).

Что касается японского, то его «правда» принадлежит исключительно бытовой речи и практически равна нашей, а «истина» — это высокий стиль. Однако бог здесь совершенно ни при чем. «В повседневной жизни Японии, — говорит Киеси Огури, — бог не играет никакой роли. В суде мы клянемся говорить “истину” не перед богом, а перед людьми — это просто наша обязанность. В нашей “истине” нет понятия “бог”».

Радость, удовольствие, наслаждение

К «удовольствию» наш язык относится с подозрением. Тот, кто «проводит жизнь в поисках удовольствий», явно не вызывает уважения. «Человек может махнуть рукой и сказать: “Ну, это так, для удовольствия”, — замечает Шмелев. — Но сказать: “Ну, это так, для радости” он уже не может».

«Радость — это чувство, а удовольствие — всего лишь “положительная чувственно-физиологическая реакция”... — пишет кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН Анна Зализняк. — “Радость” относится к высокому, духовному миру, в то время как “удовольствие” — к низкому, профанному, телесному».

Еще строже русское сознание относится к «наслаждениям». Если английский официант может, принеся вам блюдо, запросто улыбнуться и сказать: «Enjoy your meal» («Наслаждайтесь своей едой»), то хороший переводчик никогда не переведет это буквально, заменив на «Приятного аппетита!» или «Кушайте на здоровье!». Анну Зализняк это приводит к радикальному выводу: «Сама идея удовольствия чужда русской жизни».

Несколько лет назад Британский совет провел эксперимент с расклейкой плакатов со стихами в поездах московского метро. Реклама акции звучала так: «Наслаждайтесь стихами в пути». Хотя для русской аудитории, полагает Зализняк, больше подошла бы формулировка: «Читайте на здоровье». «А наслаждаться, извините, мы как-то не привыкли, — замечает лингвистка, — особенно в метро».

Лишь к одному виду наслаждения русский язык относится с уважением — к эстетическому. «Отсюда, — полагает Шмелев, — характерный русский глагол “любоваться” — просто смотреть, долго, с удовольствием, получая исключительно эстетическое наслаждение».

Впрочем, сейчас ситуация начинает меняться. Реклама призывает нас «наслаждаться» всем подряд: шампунем, сникерсом, гигиенической прокладкой. Эти призывы, утверждает Шмелев, «ведут к тому, что слова меняют свое значение, “наслаждение” становится более важной ценностью и человек уже не считает это постыдным».

А вот языковые традиции Востока разделяют скорее традиционную русскую точку зрения. По словам Киеси Огури, «радость» для японца — понятие тонкое, душевное и строго позитивное. А вот «удовольствия» и «наслаждения» относятся к негативной оценочной лексике — язык их осуждает.

Счастье

«Можете ли вы назвать себя счастливым?» — с этим вопросом социологи уже не раз приставали к российским гражданам. Результат неизменен: уровень счастья в России один из самых низких в мире.

Похоже, однако, что причины острого дефицита счастья надо искать не в экономике, а в языке. «Русское “счастье”, — говорит Алексей Шмелев, — это очень труднодостижимое состояние. Ответить “да” на вопрос “Вы счастливы?” для носителей русского языка так же странно, как носителям английского ответить “да” на вопрос “Испытываете ли вы блаженство?”» Анна Зализняк еще более категорична: «Сравнение русских слов “счастлив, счастье” и английских “happy, happiness” показывает, что расхождения между ними столь существенны, что вообще вызывает сомнение их эквивалентность».

Англичанину достаточно иметь повод для благодарной улыбки, чтобы счесть себя полностью и совершенно «happy». Таким поводом может стать, например, интересный доклад на конференции. Прослушав его, англичанин пожмет докладчику руку и скажет: «О, я счастлив вашим докладом!» Мы же в подобной ситуации ограничимся сдержанным «мне понравилось».

Русское «счастье» — слово принципиально не бытовое. Наше «быть счастливым» описывает состояние, по определению отклоняющееся от нормы. Для нас это что-то такое, что лежит в сфере идеального и имеет мало общего с повседневной действительностью. «А счастье было так возможно», — вздыхает пушкинская Татьяна, а Алексей Шмелев замечает: «Она мыслит счастье как необыкновенно важную, но недостижимую ценность. Это нечто безусловно существующее, но существующее абстрактно, как объект мечтаний».

Забавно, что еще пару столетий назад «счастье» было синонимом шального везения, чем-то вроде мелкого воровства у судьбы. «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй бог, а ум-то где?» — говаривал Суворов. Однако со временем язык практически отказался от этого сомнительного «счастья», окончательно примирившись с его идеальной недостижимостью. Не то чтобы его совсем нет. Наоборот, любой русскоговорящий точно знает, что оно есть, но только где-то далеко, главным образом там, «где нас нет».

Зато в Японии со «счастьем» все хорошо. Этот иероглиф можно встретить на каждом шагу. Мороженое, кино, ресторанчики — вообще все хорошее и приятное в жизни вызывает у японца приступ неудержимого «счастья», о чем он тут же вам и сообщает.

Собираться

Если вы говорите приятелю, что «собираетесь учить английский язык», ваш приятель прекрасно понимает, что английский вы не учите и нет никаких гарантий, что вообще когда-нибудь будете учить. «Русское “собирается”, — поясняет Шмелев, — это такая важная идея, состоящая в том, что, прежде чем что-то сделать, человек должен мобилизовать внутренние ресурсы». Вроде бы нет особенной разницы между «планированием» и, допустим, «намерением». Однако совершенно невозможно представить, что мы планировали— планировали, да так и не запланировали. А вот если мы «собирались» что-то сделать, это вполне могло произойти.

«Мы очень естественно можем сказать, что человек “собирался” что-то сделать, но так и “не собрался”, — говорит Шмелев. — А уж если человек “собрался”, то он, считай, почти уже “сделал”». То есть процесс «собираения» по-русски гораздо более существенная часть действия, чем оно само. Возможно, предполагают лингвисты, это связано с нашими большими пространствами. Не случайно же, готовясь к отъезду, мы именно «собираем» вещи. Англичане и французы, например, их «пакует». Мы, конечно, их тоже пакуем, но языку важнее, чтобы все было «собрано», а уж упаковать-то мы сумеем.

Расстояние между английским «I am going», которое обычно переводят как «собираюсь», и самим действием гораздо короче. Если русский часовой на посту ночью закричит прохожему что-нибудь вроде: «Стой, я собираюсь стрелять!» — прохожий вряд ли испугается — когда еще этот разиня соберется! А вот английское «I am going to fire!» означает, что вы уже под прицелом и курок взведен для выстрела.

А вот когда я попыталась объяснить значение русского глагола «собираюсь» Киеси Огури, ни я, ни переводчик сделать этого не смогли. Огури долго качал головой и пожимал плечами. Что поделаешь — у него другая картина мира.

Автор: Ольга Андреева © Русский репортер ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3515 20.11.2008, 15:27 📄 420
URL: <https://babr24.com/?ADE=48805> Bytes: 14822 / 14780 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга Андреева.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)